

«Под фасад каменного строения»: обшивка деревянных церквей Русского Севера в конце XVIII – начале XX в.

Е.В.Ходаковский, СПбГУ, Санкт-Петербург

Статья посвящена осмыслению феномена обшивки в практике строительства, поновлений и реставрации деревянных храмов Русского Севера с последней четверти XVIII до начала XX столетия. Реставрационные работы 2000–2010-х годов продемонстрировали немало примеров возвращения обшивки на фасады старинных памятников. Поэтому возвращение к опыту XVIII–XIX столетий, а возможно, и более раннего времени, актуализировало вопрос изучения феномена обшивки как одного из важнейших явлений в истории деревянного зодчества позднего периода. Первый аспект исследования – «консервационный» – обусловлен тем, что в сознании современников обшивка воспринималась как наиболее эффективное решение для предотвращения разрушения сруба. В этой связи к вопросам обшивки в XIX столетии подходили очень основательно как на уровне профессиональных архитекторов, так и простых деревенских плотников. Второй аспект – «художественно-стилевой» – демонстрирует, что обшивка была самым действенным способом обозначения на фасадах как новых, так и старых церквей тех стиливых видоизменений, которые позволяли причту, заказчикам, прихожанам ощущать себя в общем эстетическом русле своего времени. Прослеживаются наиболее ранние задокументированные случаи обшивки деревянных церквей, анализируются мнения исследователей и реставраторов памятников деревянного зодчества. В результате констатируется, что историческая обшивка является не просто «пережитком» синодального периода истории русской деревянной архитектуры, но является важнейшим фактором её бытования, с которым необходимо считаться при проведении реставрационных работ¹⁾.

Ключевые слова: деревянная архитектура, Русский Север, обшивка, классицизм, реставрация, охрана объектов культурного наследия.

"Under the Facade of a Stone Building": the Cladding of Wooden Churches of the Russian North in the 19th century

E.V.Khodakovsky, SPbU, St. Petersburg

The article is devoted to the phenomenon of cladding in the practice of construction, renovation, and restoration of

wooden churches of the Russian North from the last quarter of the 18th to the beginning of the 20th century. The earliest documented cases of the cladding of wooden churches are traced, the opinions of researchers and restorers of wooden architecture monuments are analyzed, and the stylistic and artistic aspects of cladding are considered. As a result, it is stated that the historical cladding is the most important factor which must be considered in restoration work. Cladding became a very important component of the late period of the Russian wooden architecture history, fulfilling a protective and decorative function, and during the Late Classicism period acting as a distinctive style marker.

Keywords: wooden architecture, Russian North, cladding, classicism, restoration, protection of objects of cultural heritage.

Вопрос об обшивке деревянных церквей в связи с её консервационной функцией и, шире – эстетической, возник в отечественной историографии практически одновременно с началом целенаправленного изучения русского деревянного зодчества. Однако наиболее решительно по этой теме высказался А.В. Ополовников ещё в 1970-е годы. По его мнению, в поздний период истории деревянного зодчества обшивка стала «самым дешёвым и эффективным средством, самым действенным и результативным приёмом коренного преобразования общего характера архитектуры древних зданий» [1, с. 73]. Действительно, этот способ оформления фасадов деревянных храмов приобретал и некоторую «смысловую» составляющую, камуфлируя дерево как строительный материал, лишая его «откровенности», маскируя под оштукатуренную поверхность и в итоге сообщая деревянной церкви вид стиливого каменного здания.

Одним из ранних задокументированных примеров такой предустановки является история строительства в 1798–1802 годы Никольской церкви Паловского прихода Вытегорского уезда (к юго-западу от озера Лаче), которая очень важна для понимания специфики развития деревянной архитектуры Русского Севера на рубеже XVIII–XIX веков. В марте 1798 года Архангельская духовная консистория прислала указ с планом и фасадом нового храма с предписанием, которое может стать эпиграфом к последующей истории деревянного зодчества: чтобы церковь «выстроена была по сему плану и фасаду непременно, обита досками

¹⁾ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII–XIX веков. Типология, эволюция, региональные традиции».

и окрашена... под фасад каменного строения...»¹ (рис. 1). Примечательно, что чуть ранее, в 1791 году, Пётр Челищев почти так же описывает церковь Ширшемского прихода Архангельского уезда: «виден был в правой стороне на берегу Двины погост Ширша; в нём одна деревянная, наподобие каменной отбелённая церковь преподобному Сергию Радонежскому Чудотворцу и Антонию Сийскому» [2, с. 116]. Именно обшивка «под фасад каменного строения» будет определять облик подавляющего большинства деревянных церквей вплоть до начала XX века, что делает важной задачей рассмотрение этого аспекта бытования деревянных храмов не только в традиционном реставрационном ракурсе, но и с точки зрения истории русской архитектуры и её художественного языка.

На протяжении долгих веков в пространстве русской архитектуры деревянные церкви существовали на паритетных началах с произведениями каменного зодчества. Однако указ Павла I от 25 декабря 1800 года запретил деревянное приходское храмостроительство. Это постановление было отменено только в 1835 году, поэтому после столь долгого пребывания «взаперти» внутренние силы деревянной архитектуры значительно иссякли. И если раньше сложно было говорить о стилевом характере памятников XVIII века, то с середины 1830-х годов, когда вокруг царил яркая и пышная «осень классицизма», вопросы стиля начинают напрямую касаться произведений северного деревянного зодчества – как старых сооружений, так и новых.

Стилевым маркером в памятниках деревянной архитектуры XIX века становится именно фасадный декор. Поэтому при строительстве новой церкви и при поновлении древнего храма фасадному декору придавалось особое значение. Он был «внешним» в конструктивном и идейном смысле: закрывая поверхность стены, он мог быть с лёгкостью заменён через поколение, когда вкусы и стилевые предпочтения становились уже иными, однако за «внешним» не менялось «внутреннее» объёмно-пространственное решение.

Именно в контексте проблемы «стиля» и возникает тема обшивки – одна из ключевых тем в истории деревянного зодчества позднего периода. Для А.В. Ополовникова – самого непримиримого борца с обшивкой деревянных церквей XV–XVIII веков – именно дощатое покрытие стало внешним индикатором не столько стилей и эпох, сколько тех изменений в целом, которым подверглось деревянное зодчество в XIX столетии. Его позиция была изложена в программной книге, подводящей итоги реставрационных работ на памятниках деревянной архитектуры в 1940–1970-х годы:

«Что же касается усилий, направленных на искоренение "еретического" духа из архитектуры древних деревянных церквей в целом, то здесь ведущая роль отводилась тёсо-

вой обшивке и её неизменной спутнице – светлой и яркой окраске... Вполне понятно, что для достижения этой цели декоративный тёсовый футляр, созданный из элементов стилизованной архитектуры, служил самым дешёвым и эффективным средством, самым действенным и результативным приёмом коренного преобразования общего характера архитектуры древних зданий.

Тёсовая обшивка и железные кровли своим мертвящим покровом сразу заглушали чудесную песнь дерева – прекрасную, правдивую, исконно русскую. Под ними сразу пропадала скульптурная пластика и живописная красота бревенчатого сруба, чарующая прелесть чешуйчатых глав и бочек, тёсовых и гонтовых покрытий шатров и кубов. И сразу неповторимые произведения высокого искусства теряли свой подлинный одухотворённый образ, сразу как бы увядали и сникали, становились скучными и неинтересными, похожими на самые заурядные постройки позднейших времён.

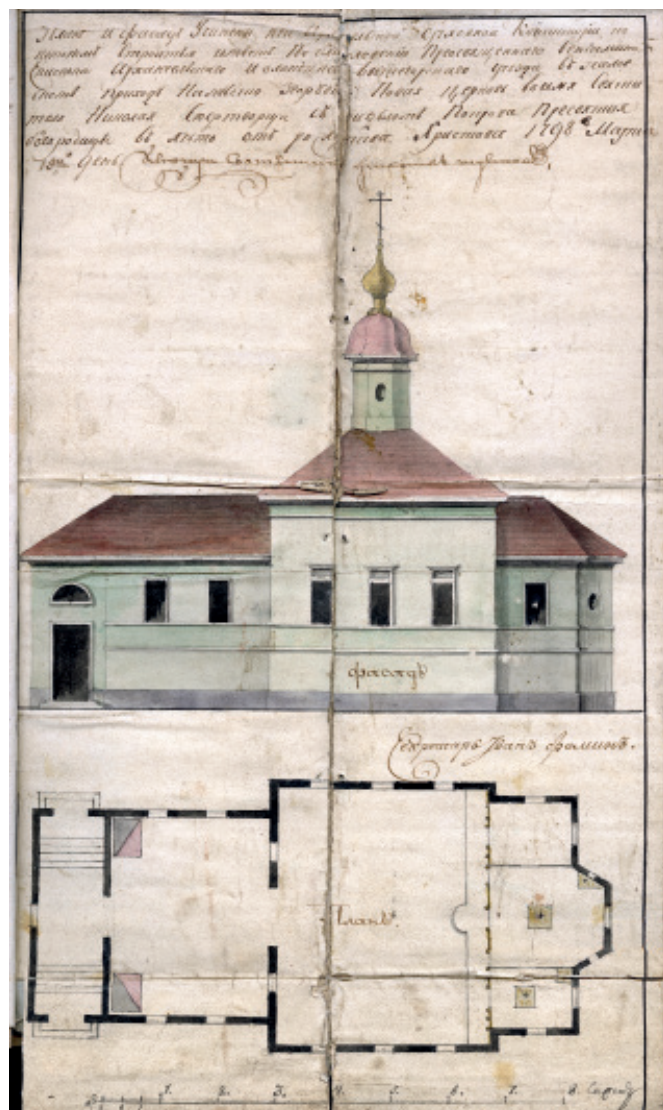

Рис. 1. План и фасад церкви свт. Николая Чудотворца Паловского прихода Вытегорского уезда Олонецкой губернии. 1798 год (источник: НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 11/5. Л. 2)

¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 11/5. Дело по прошению Вытегорского уезда Паловского прихода священника Логина Степанова об освящении в оном приходе деревянной во имя Покрова Пресвятой Богородицы церкви. 1798–1802 гг. Л. 2–2 об.

На обшитых тёсом фасадах появились приставные то-сканские портики, дорические колоннады, ампирные аркады, полуколонны и пилястры, античные карнизы и сандрики, мирно уживающиеся с древнерусскими шатрами, кубами, бочками... Бревенчатые повалы четвериков и восьмериков превратились в античные карнизы с метопами и триглифами, модульонами и розетками, раскрашенными во все цвета радуги. А снизу, вокруг всего здания, рисуются декоративные цоколи, аляповато размалёванные бесталанной рукой не то под гранит, не то под лабрадор, не то подо что-то ещё» [1, с. 73–74].

Тем не менее, Несмотря на негативное отношение А.В. Ополовникова к внешним наслоениям, необходимо попытаться проследить и объяснить эту практику, очень важную для изучения проблемы стиля и в целом восприятия эстетики деревянной архитектуры позднего периода.

Многое из того, что вызывало гневную критику А.В. Ополовникова, – обшивка, покрытие глав железом, использование штукатурки – обнаруживается в истории деревянного зодчества ещё древнерусской эпохи. М.И. Коляда относил к XVII столетию обнаруженную им вертикальную обшивку сруба при исследовании Георгиевского храма в Юковичах [3]. Обшивка фасадов деревянных церквей документируется как минимум с эпохи Екатерины II, то есть именно с того времени, когда, по словам А.В. Ополовникова, «деревянное зодчество конца XVIII – начала XIX века, несмотря на все происшедшие в нём перемены, по-прежнему оставалось самим собой. Оно не выходило из строгих границ самобытных традиций, созданных ранее, неотступно следовало принципу архитектурно-конструктивного единства, сохраняло отношение к дереву как к материалу искусства, отрицало поверхностный декоративизм и по своему общему характеру по-прежнему оставалось архитектурой, если так можно сказать, откровенно и неприкрыто деревянной. Иными словами, и более позднее деревянное зодчество по-прежнему олицетворяло эстетические идеалы и творческий метод народной художественной культуры и явилось её высшим обобщением и материализованным воплощением – ярким, живым и многозвучным» [1, с. 31].

Тем не менее именно в эти годы фасады, наоборот, с помощью обшивки всячески маскируются под вид оштукатуренной стены, как это было в вышеупомянутых церквях Ширшемского и Паловского погостов. Далее, в первой трети XIX века свидетельства об обшивке становятся постоянными. В сентябре 1818 года в Кижях подрядчику Егору Потапову «со товарищи» заплатили за обшивку тёсом Преображенской церкви, а в августе 1822-го «подрядчику Ивану Яковлеву было выдано в общей сумме 200 рублей... за обивку глав» [4]. До 1819 года был обшит Успенский собор в Кемь². В 1822 году «обшита тёсом и окрашена» церковь архистратига Михаила Гедевского погоста, построенная в 1760 году³. Подобными упоминаниями изобилуют архивные документы XIX века, при этом далеко не всегда год состав-

ления документа означает дату произведённой обшивки. Всего лишь несколько приведённых примеров говорят об обшивке как важной составляющей строительного обихода ещё задолго до царствования Николая I и регламентирующих постановлений, с которыми А.В. Ополовников связывает драматические коллизии в истории деревянной архитектуры позднего периода.

Столь широкое применение обшивки преследовало две основные цели: во-первых, покрытие сруба должно было предохранить его стены от атмосферного воздействия; во-вторых, это было действенным способом обозначения на фасадах как новых, так и старых церквей тех стилевых маркеров, которые позволяли причту, заказчикам, прихожанам ощущать себя в общем эстетическом русле своего времени.

Первый аспект – «консервационный» – обусловлен тем, что в сознании современников обшивка воспринималась как самый первый способ предотвращения разрушения церкви. Так, не дожидаясь профессионального суждения на этот счёт, при описании в 1838 году Вознесенской церкви в Типиницах, обшивка воспринималась как само собой разумеющаяся мера поддержки: «...шатёр и глава на оном совершенно ветхи и имеют великие скважины... крыша над папертию и трапезою и крыльца, ведущая в церковь, также ветхи; и всё здание с наружной стороны неминуемо требует обшивки тёсом» [5, с. 39]. Однако, когда в конце XIX века к сохранению архитектурного наследия подключилось и профессиональное сообщество, оно также принимало решения в пользу обшивки. Члены Московского археологического общества, рассматривая 30 декабря 1892 года на заседании комиссии по сохранению древних памятников вопрос о реставрации Усть-Кожского погоста, поддержали просьбу Архангельской консистории, объяснившей, что причиной обшивки церковью «служит с одной стороны, то, что в пазы стен проникают воздух, дождь и снег, а с другой – желание придать церквам более благовидный вид» [6].

Общее неприятие исследователями и художниками конца XIX – начала XX века обшивки, закрывающей красоту старинной бревенчатой стены, было связано именно с их «открытием континента» древнерусского искусства. Именно эти взгляды затем и были унаследованы А.В. Ополовниковым. Между тем в 1990-е годы начинают высказываться аргументы в пользу обшивки. Л.Г. Шаповалова и А.В. Вешняков, проведя натурные исследования, указывали на традиционные методы заготовки досок для обшивки: «До середины XIX в. здание обшивали тёсаными досками шириной 120–200 мм и толщиной 35–50 мм. Тёску досок выполняли колунообразным топором, который при ударе лезвием скалывает древесину,

² ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 200. Описи церковного имущества Пинежской, Мезенской, Кемской округи и Кольского уезда за 1819 г. Л. 115 об.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699. Сведения о приходах Олонецкого уезда... и о церквях Повенецкого уезда. Л. 52.

не оставляя зазубрин, а боковой стороной одновременно уплотняет волокна древесины. С таковой поверхности легко стекала вода, и поэтому она хорошо противостояла загниванию». Л.Г. Шаповалова и А.В. Вешняков отмечают, что «пиленые доски быстрее впитывают влагу, высыхают и гниют, поэтому защитная способность обшивки из пиленых досок существенно снижается. При эксплуатации доски обшивки подвергаются увлажнению и разрушаются по усушечным трещинам значительно меньше, чем брёвна наружных стен. Чтобы уменьшить усушку обшивки, доски прибивали к стене стороной, обращённой к центру бревна. Стык досок обшивки по вертикали выполняли с помощью продольного шипа или паза или «в ножовку», то есть косым срезом, что препятствовало затеканию воды в шов.

Доски обшивки прибивали к стенам через толстые, до 15 см, вертикальные направляющие брусья (маяки), создавая тем самым воздушную прослойку между обшивкой и срубом (рис. 2). При устройстве внешней обшивки под отливом цоколя выполняли приточные, а под карнизом – вытяжные вентиляционные отверстия так, что между направляющими брусками образовывались своеобразные вентиляционные шахты и происходила направленная аэрация внешней поверхности сруба. При устройстве внутренней обшивки воздушные полости оставались замкнутыми. В досках обшивки выполняли и те отверстия, которые являлись продолжением продухов для вентиляции внутренних помещений» [7, с. 275].

К вопросам обшивки в XIX столетии подходили очень основательно как на уровне профессиональных архитекторов, так и простых деревенских плотников. Здесь очень важно было учитывать специфику поведения недавно поставленного сруба, поэтому архитектор Департамента уделов Х.Ф. Мейер, составивший проект церкви в Осташино, рекомендует «обшивку сказанной церкви произвести через 3 года, после постройки, когда стены получат совершенную осадку»⁴. Церковь св. Георгия в Покшеньге, законченная к началу 1896 года, была обшита через несколько лет: эти работы были завершены к июлю 1911 года⁵. Ещё одним примером становится Никольская церковь в Кельчегоре на Мезени. Она была построена в 1892–1893 годы, но только почти через двадцать лет в рапорте благочинного от 12 июля 1910 года было доложено, что «наружные стены Кельчегорской приходской церкви в первой половине сего года обшиты досками»⁶.

Л.Г. Шаповалова и А.В. Вешняков, которые вовсе не ставили задачу пересмотреть методику и саму идеологию реставрационных подходов А.В. Ополовникова, пришли к объективному выводу, что «дощатая обшивка тормозит процесс гидролитического разрушения поверхности древесины, сохраняя её прочностные и эстетические свойства. Долговечность деревянных конструкций при этом увеличивается на 150 лет и более». Перечисляя основные преимущества обшивки, исследователи видят её задачи в следующем:

«– защита сруба от атмосферных осадков путём устранения задержки влаги на выступах брёвен и их растрескивания;

– уменьшение вероятности заражения древесины сруба дереворазрушающими организмами;

– стабилизация влажностных условий эксплуатации здания – снижение влажности внутренних деревянных конструкций обшитою здания по сравнению с необшитым на три процента;

– улучшение теплотехнических свойств стены;

– увеличение конструктивной жёсткости сруба;

– создание щадящей аэрации сруба;

– торможение процесса гидролитического разрушения наружной поверхности брёвен сруба при сохранении её прочностных и эстетических свойств» [7, с. 278].

Реставрационная практика 2000–2010-х годов продемонстрировала немало примеров возвращения обшивки на фасады старинных памятников, в том числе на острове Кижи, где при реставрации Успенской часовни в деревне Василье-

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 699. О постройке деревянной церкви в деревне Осташинской Архангельской губ. 1846–1851 гг. Л. 35.

⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1849. Дело о ремонте Георгиевской церкви Покшеньгского прихода Пинежского уезда. 1906–1914 гг. Л. 18.

⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2581. Дело о ремонте церкви в Кельчегорском приходе Мезенского уезда. 1909–1911 гг. Л. 7.

Рис. 2. Маяки обшивки трапезной церкви Богоявления Господня в Поле. 1853 год. Фото Е.В. Ходаковского. 2019 год

во в 2017 году «с целью защиты исторической древесины, а также восстановления исторической обшивки часовни был разработан проект её обшивки по зафиксированным обмерам обшивки 1977 года» [8, с. 352]. Таким образом, возвращение

Рис. 3. Обшивка церкви св. Архангела Михаила в Нокеле. Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

Рис. 4. Обшивка церкви Рождества Богородицы Усть-Пуйского прихода (деревня Болкачевская) Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

к опыту XIX столетия, а возможно, и более раннего времени актуализировало вопрос изучения феномена обшивки как одного из важнейших явлений в истории деревянного зодчества позднего периода.

Второй аспект исследования обшивки – «художественно-стилевой» – играет, пожалуй, не менее важную роль, чем и консервационный. Эту роль обшивки также подвергают суровой критике уже с конца XIX – начала XX века. В частности, И.Я. Билибин с недоумением писал, что «бревенчатые, тёмно-коричневые стены обшиваются досками и выкрашиваются в ослепительно белый цвет. Когда я раз спросил одного местного жителя, зачем они выбрали именно этот цвет, то он мне ответил, что выкрашенная в белый цвет церковь походит на каменную» [9, с. 610].

После прочтения этих строк «художественно-стилевые» свойства обшивки, действительно, могут показаться сомнительными, особенно когда речь идёт о покрытии стен старинных храмов. Однако уподобление деревянных построек каменным не следует воспринимать как театральную «бутафорскую» маскировку. «Ослепительно белый цвет», о котором пишет И.Я. Билибин, контрастно выделял деревянный храм из окружающей массовой серой застройки деревни, делая в блёклом северном пейзаже заметным и глубоко символичным противопоставление «сакрального» и «повседневного», «воскресного» и «будничного». В предместьях губернских городов, в уездных центрах или богатых приходах этот контраст достигался за счёт оштукатуренных и побелённых кирпичных храмов; в бедных деревнях это было не только «созданием видимости», но и единственным способом придать деревянной постройке иной статус. Не только белая, но и разноцветная окраска играла важную роль в выделении деревянной постройки из окружающего обыденного контекста. Один из самых известных примеров – колокольня между Никольской и Троицкой церквями в Нёноксе (1834), окрашенная в охристый цвет, с имитацией темных оконных проёмов с белыми переплётами. Тот же способ размещения «ложных окон» на фасадах используется и на фасадах церкви св. Иоанна Предтечи Велико-Николаевского погоста. Таким образом, консервационная и художественная функции обшивки – это важнейшая составляющая строительной практики на Русском Севере с конца XVIII и вплоть до начала XX века, которую никак нельзя игнорировать, особенно ввиду и дополнительной, стилеобразующей роли внешней обшивки.

Годы действия запрета Павла I на строительство деревянных церквей совпали со временем появления в северных губерниях зданий в стиле позднего классицизма. Не имея возможности возводить новые храмы, крестьяне, как уже указывалось, особое внимание придавали поновлениям своих старых церквей, и обшивка конца XVIII – первой трети XIX века стала средством транслирования на старинные фасады новой эстетики классицизма.

В 1824 году была произведена перестройка Владимирской церкви XVII столетия в Каргополе [10, с. 55], в результате чего

она, явив на фасадах обшивку и декор в виде треугольного фронтона с колоннами, внешне перестала соответствовать образу древнерусского деревянного храма. Классицистическая обшивка стала впоследствии узнаваемым атрибутом многих церквей на Русском Севере вне зависимости от времени их постройки. Безусловно, это приводило к причудливому смешению элементов ордерной системы с декором древнерусских шатров, восьмериков, повалов и бочек, однако для крестьян, живших в XIX столетии, вопросы «археологии» и исторического соответствия были далеко не на первом месте. Гораздо важнее, что с появлением на фасадах XVII–XVIII веков пилястр, модульонов, тригфлов и метоп, о которых с гневом писал А.В. Ополовников, древнерусская постройка «омолаживалась», становилась созвучной общей современной на тот момент стилиевой тональности, в какой-то мере вписывалась в общий архитектурный контекст уездного или даже губернского зодчества. На деревянных церквях рубежа XVIII–XIX веков – Михаила Архангела в Нокле (1792, рис. 3), Богоявления в Лядинах (1793), Рождества Богородицы Усть-Пуйского (1795, рис. 4) и Паденгского (1801, рис. 5) приходов, Сретения в Архангельском погосте (1803) – обшивка, использующая набор элементов господствовавшей тогда ордерной системы, никак не противоречила духу времени. Повсеместно использовались ромбовидные накладки, полуколонны, составные капители, сложная раскреповка, тригфы, метопы и модульоны, однако весь этот репертуар мог легко совмещаться с древнерусским городчатым орнаментом, как в церкви Рождества Богородицы Паденгского прихода.

После возобновления деревянного храмостроительства в 1830-х годы новые церкви ожидаемо оказались в значительной зависимости от стилиевой каменной архитектуры позднего классицизма. Эту тенденцию иллюстрирует одновременное возведение в двух соседних каргопольских погостах с почти одинаковым названием – Малая и Большая Шалга – храмов в камне и дереве, близких не только типологически, но и по характеру классицистического декора. На проекте Одигитриевской церкви в Малой Шалге, датированном 23 марта 1833 года и подписанном А. Клоповым, фасад обшивки полностью имитирует декор каменного здания и решён в светло-жёлтых и белых тонах (рис. 6). Осиновый лемех на главках, обозначенный на проекте А. Клопова и оговорённый в контракте с Андреем Петровым Иудиным, пожалуй, остаётся единственным связующим с прежней практикой деревянного строительства

элементом во внешнем облике здания. Позже, в 1839 году, в Каргопольском уезде полностью «под камень» предписывалось «исправить» церковь св. Кирилла Новоезерского с приделом св. Царевича Димитрия в Печниковском приходе⁷. В 1842 году губернский архитектор Василий Тухтаров составил план и фасад «вновь деревянной на каменном фундаменте церкви вместо сгоревшей в Олонецкой губернии в Пудожском уезде в Кенозерском погосте во имя Богоявления Господня»⁸. Так и церковь Кожеозерского монастыря с оформленными двумя колоннами портиками полностью имитирует каменное строительство⁹. В те же десятилетия в ряду памятников «деревянного церковного классицизма» с характерной обшивкой фасадов оказываются Введенская церковь Селецкого прихода (1833–1845)¹⁰ и Никольская в Койде (проект утверждён в 1843 году)¹¹.

Классицистический декор будет сохраняться на фасадах деревянных храмов Русского Севера вплоть до конца XIX – начала XX века, несмотря на параллельно происходившие стилистические поиски и смены парадигм. Казанская церковь в деревне Кононовской (Бору) Лекшморского прихода Каргопольского уезда сохраняет в оформлении фасада едва ли не полный классицистический «витувианский» реперту-

Рис. 5. Церковь Рождества Богородицы в Алешковской. 1801 г. Детали обшивки алтарного прируба. Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

Рис. 6. Одигитриевская церковь в Малой Шалге. Проект фасада

⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 45/1021. Планы и чертежи проектов церквей Олонецкой епархии. Б. г. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 49.

⁹ РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 10. Деревянная церковь в Кожеозерской пустыни. Фасад, план. Б. г.

¹⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1386. Дело о постройке новой церкви Введения Богородицы вместо сгоревшей в Селецком приходе Холмогорского уезда. 1833–1850 гг.

¹¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1564. Дело о постройке церкви вместо деревянной часовни в с. Койденском Долгощельского прихода Мезенского уезда. 1838–1851 гг. Л. 87.

ар (рис. 7, 8). В 1884 году была возведена величественная колокольня в Мошьюгском приходе на Ижме с характерными полуциркульными арками звона, обрамлёнными на каждом ярусе изящными портиками. В 1894 году была обшита Никольская церковь в Сырье (1867), что свидетельствует о сохранявшемся в те годы эстетическом запросе на привычный и даже в каком-то смысле канонический образный строй сооружений провинциального классицизма (рис. 9). Даже декор Ильинской церкви в Каменном (1911–1914), несмотря на явные тенденции в сторону выявления красоты дерева и традиционного декора, остаётся эклектичным, сочетая «готицизм» ложных оконных проёмов на барабане с классицистическим фронтоном, украшенном характерными дентикулами («зубчиками») (рис. 10).

Устойчивость классицизма в фасадном декоре деревянных храмов Русского Севера объясняется не только инерционностью художественного мышления и известным «запаздыванием» стилевых проявлений в региональной архитектуре, особенно на периферии. Крестьянское искусство в целом воспринимало городскую культуру как «идеальную», стремясь перенести отсюда в деревню её внешние атрибуты – от костю-

ма и посуды до элементов фасадного убранства общественных зданий и городских особняков. Немало этому способствовала и посредническая роль губернских архитекторов, для которых ордерная система долгое время оставалась азбучной.

Постепенное видоизменение фасадного декора деревянных храмов Русского Севера наблюдается вскоре после публикаций альбомов образцовых чертежей К.А. Тона, которые вышли в свет в 1838 году с «Дополнением...» 1844 года. Безусловно, это происходит под воздействием нового понимания задач, стоявших перед русским национальным зодчеством того времени. Одним из маркеров нового русского стиля становится «килевидная» форма, а в оформлении столбов крылец появляются даже попытки имитировать «византийскую» кубическую капитель (Богоявленская церковь в Поле, 1851–1853). Тем не менее при явном неприятии идеологии европейского классицизма и напряжённом поиске истоков национального зодчества проекты храмов в русском стиле 1840-х годов по-прежнему не отказываются от идеи обшивки, маскирующей «под камень» фасад деревянной церкви. Это можно объяснить тем, что русско-византийский стиль обращался к неким со-

Рис. 7. Церковь Казанской иконы Божией Матери в деревне Кононовская (Бор). 1864 год. Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

Рис. 8. Церковь Казанской иконы Божией Матери в деревне Кононовская (Бор). 1864 год. Декор алтарного прируба. Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

Рис. 9. Южный фасад Никольской церкви в Сырье. 1867 год. Обшивка 1894 года. Фотография Е.В. Ходаковского. 2018 год

бирательным образам каменных храмов, которые когда-то положили начало русскому зодчеству на основе привнесённой византийской традиции. Однако отождествление национальной архитектуры как деревянной произошло не сразу, что и обусловило сохранение обшивки на проектах рубежа 1840–1850-х годов. Только в 1856-ом в бумагах Олонецкой палаты Министерства государственных имуществ появится очень важная запись. Критикуя проект храма в Нименском погосте Каргопольского уезда, палата заключила: «фасад представленной церкви имеет характер каменного здания, а не деревянного»¹². Эта резолюция обозначает свершившийся перелом в сознании архитекторов того времени, и с тех пор в архитектуре Русского Севера второй половины XIX – начала XX века дерево как материал будет полностью восстановлено в своих правах.

Синодальные образцовые чертежи, активно внедряющиеся с рубежа 1850–1860-х годов, теперь не маскируют постройку «под камень», но и не отрицают обшивку как таковую. Хотя в «Атласе...» 1858 года многие проекты раскрывают красоту бревенчатого сруба, тем не менее ставшие официальными образцовые чертежи начала 1860-х надолго закрепили роль обшивки в деревянной архитектуре эпохи рационализма, будучи в прямом смысле рациональным средством предохранения построек от влаги и выветривания.

Частичный или даже полный отказ от обшивки становится определённой тенденцией в деревянном храмостроительстве только на рубеже XIX–XX веков, что можно связать с эстетикой северного модерна. В те годы широко известны многочисленные примеры использования гранита и оштукатуренных поверхностей, что создавало особую живописность фасадных решений, колористическое разнообразие, особенно подчёркивало первозданность и неизбежность гранитной стены как своеобразной «рукотворной скалы», подчинившейся воле зодчего. Так и для церковных архитекторов начала XX века выявление аутентичности деревянной постройки через раскрытие природной древесной красоты венчатой срубной стены, наряду с не сплошным, а комбинированным внедрением декоративных элементов обшивки, стало явлением, параллельным апеллированию к подлинной природной фактуре гранита и анималистическим мотивам северного модерна.

За долгую историю своего существования на фасадах памятников деревянного зодчества разных эпох – от эпохи Екатерины II до царствования Николая II – обшивка была в прямом смысле «лицом» деревянного здания, хотя высказывались мнения, что она служила скорее его «маской». Широко известно верное наблюдение И.Я. Билибина о том, что «основной принцип старинного русского деревянного зодчества тот, что в нём деталь никогда не загромождает общего. На первом месте – общая форма» [11, с. 311]. В XIX – начале XX века при типологической

Рис. 10. Церковь св. Илии Пророка в Каменном. 1911–1914 годы. Фотография Е.В. Ходаковского. 2019 год

устойчивости и стандартизации «общей формы» именно обшивка позволила сохранить и разнообразить декоративные качества произведений деревянной архитектуры позднего периода, а также взять на себя отчасти и стилиобразующую функцию. Роль обшивки состояла не только в защите бревенчатой стены от переменчивой северной погоды; внешний фасадный декор, отражая стилевое непостоянство, но не меняющий типологическую и композиционную сущность – ту самую билибинскую «общую форму» – остался своеобразным посредником между ней и мимолётностью архитектурной моды.

Литература

1. Ополовников, А.В. Реставрация памятников народного зодчества / А.В. Ополовников. – М. : Стройиздат, 1974. – 391 с.
2. Челищев, П.И. Путешествие по северу России в 1791 году / П.И. Челищев. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. – 339 с.
3. Андреева, Л.А. По Ленинградской области. Посвирье, Бокситогорский и Волховский районы / Л.А. Андреева, М.И. Коляда, Е.В. Кондратьева. – Л. : Лениздат, 1978. – 167 с. – С. 99–100.
4. Документы и материалы по истории Кижского ансамбля. 1694–1945 гг. / Сост. В.А. Гущина, Б.А. Гущин. – Петрозаводск, 2013. – С. 15–17.
5. Носкова, А.Г. Вознесенская церковь в Типиницах – последний шатровый храм Заонежья / А.Г. Носкова // Архитектурное наследство. – 2018. – Вып. 69. – С. 37–50.
6. Древности : труды Московского археологического общества. Вып. XVI. – М., 1900. – С. 251–252.
7. Шаповалова, Л.Г. Дощатая обшивка – фактор длительной сохранности объектов деревянного зодчества / Л.Г. Шаповалова, А.В. Вешняков // Народное зодчество : Межвузовский сборник. – Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1998. – 314 с.
8. Незвицкая, Т.В. Обшивка как приём сохранения памятников деревянного зодчества на примере объектов музея-за-

¹² НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 50/566. Дело о постройке новой деревянной церкви в Нименском погосте Каргопольского уезда. 1856–1870 гг. Л. 8.

поведника Кижы / Т.В. Незвицкая // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия : Сборник научных статей. Вып. VI / Отв. ред. А.Б. Бодэ. – СПб : Коло, 2018. – 368 с.

9. Билибин И.Я. Остатки искусства в русской деревне / И.Я. Билибин // Журнал для всех. – 1904. – № 10.

10. Алфёрова, Г.В. Каргополь и Каргополье / Г.В. Алфёрова. – М. : Стройиздат, 1973. – 187 с.

11. Билибин, И.Я. Народное творчество Русского Севера / И.Я. Билибин // Мир искусства. – 1904. – № 12.

References

1. Opolovnikov A.V. Restavratsiya pamyatnikov narodnogo zodchestva [Restoration of monuments of folk architecture]. Moscow, Strojizdat Publ., 1974, 391 p. (In Russ.)

2. Chelishchev P. I. Puteshestvie po severu Rossii v 1791 godu [Travel across the north of Russia in 1791]. St. Petersburg, Printing house of V.S. Balashev Publ., 1886, 339 p. (In Russ.)

3. Andreeva L.A., Kolyada M.I., Kondrat'eva E.V. Po Leningradskoi oblasti. Posvir'e, Boksitogorskii i Volkhovskii raiony [Across the Leningrad region. Posvirye, Boksitogorsky and Volkhovsky districts]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1978, pp. 99–100. (In Russ.)

4. Dokumenty i materialy po istorii Kizhskogo ansamblya. 1694–1945 gg. [Documents and materials on the history of the Kizhi ensemble. 1694–1945], composed by V.A. Gushchina, B.A. Gushchin. Petrozavodsk, 2013, pp. 15–17. (In Russ.)

5. Noskova A. G. Voznesenskaya tserkov' v Tipinitsakh – poslednii shatrovyi khram Zaonezh'ya [Ascension Church in Tipinitsy - the last tent-roofed temple of Zaonezhie]. In:

Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage], 2018, Iss. 69, pp. 37–50. (In Russ., abstr.in Engl.)

6. Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society], Iss. XVI. Moscow, 1900, pp. 251–252. (In Russ.)

7. Shapovalova L.G., Veshnyakov A.V. Doshchataya obshivka – faktor dlitel'noi sokhrannosti ob"ektov derevyannogo zodchestva [Plank sheathing – a factor of long-term preservation of objects of wooden architecture]. In: *Narodnoe zodchestvo. Mezhvuzovskii sbornik* [Folk architecture. Interuniversity collection]. Petrozavodsk, Printing house Petrozavodsk State University Publishing House Publ., 1998, 314 p.

8. Nezvitskaya T.V. Obshivka kak priem sokhraneniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva na primere ob"ektov muzeya-zapovednika Kizhi [Sheathing as a method of preserving monuments of wooden architecture on the example of objects of the Kizhi Museum-Reserve]. In: *Derevyannoe zodchestvo. Noveye materialy i otkrytiya* [Wooden architecture. New materials and discoveries], Collection of scientific articles, Iss. VI, A.B. Bode (resp. ed.). Sankt-Peterburg, Kolo Publ., 2018, 368 p. (In Russ.)

9. Bilibin I.Ya. Ostatki iskusstva v russkoi derevne [Remains of art in the Russian village]. In: *Zhurnal dlya vsekh* [Journal for Everyone], 1904, no. 10. (In Russ.)

10. Alferova G. V. Kargopol' i Kargopol'e [Kargopol and Kargopolye]. Moscow, Strojizdat Publ., 1973, 187 p. (In Russ.)

11. Bilibin I.Ya. Narodnoe tvorchestvo Russkogo Severa [Folk art of the Russian North]. In: *Mir iskusstva* [World of Art], 1904, no. 12. (In Russ.)

Ходаковский Евгений Валентинович (Санкт-Петербург). Кандидат искусствоведения. Заведующий кафедрой истории русского искусства ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. СПбГУ). Эл. почта: E.Khodakovsky@spbu.ru.

Khodakovsky Evgeny V. (St. Petersburg). Candidate of History of Arts. Head of the Department of the History of Russian Art at the St. Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034. SPbU). E-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru.